

...Отвагою влеком,
Неудержим в своем порыве смелом,
Вошел в пещеру рыцарь прямиком,
Заворожен таинственным пределом.
Но луч напоминал о свете белом
И, отраженный сталью..

Эдмунд Спенсер. Королева фей
Перевод В. Микушевича

ПРОЛОГ

Август 2005 года

Улицы полнились снами и фантазиями, и иные из них были опасны. Тролли выползали из-под бетонных откосов южного берега и дрались со стаями диких кошек. Тараканы и крысы тучами стремились к брезгливым сновидцам. Пущенный китом фонтан взлетел над Темзой и над парашютом набережной, обрызгав Уну теплой речной водой.

Но то, чего боялась Уна, вовсе не было сном или фантазией. Трейтре преследовал ее от Трафальгарской площади до реки и дальше по воде, где плыл всякий мусор. Уна думала, что оторвалась от него, спустившись в метро, но теперь ощущала его поблизости. И это осознание ползло мурашками по ее рукам и шее. Он откуда-то наблюдал за ней.

Она сглушила, спустившись под землю, где не имела четкого представления о направлении. И теперь последний отрезок ее путешествия стал еще труднее. Ей нужно было вернуться к станции метро «Тауэр-Хилл», а это

значило, что ей необходимо еще раз пересечь реку и подойти к своему порталу с юга, а не с севера, как она планировала. Что ж, теперь не было смысла казнить себя за это. Да, она запаниковала, заметив трейтре, само собой, и ни один рыцарь не осудил бы ее за это.

Уна осторожно заглянула за угол. Над парой сновидцев кружила стая стервятников. Падальщики в этом мире не склонны были ждать появления мертвечины, они сами ее творили.

Нет, она не могла никому помочь. Не должна была. Она уже не была рыцарем. Ее обязательства теперь касались только ее семьи. Нет. Абсолютно нет. *Даже не думай об этом, Уна.*

Черт поберу.

Подхватив с земли тяжелый камень, она разорвала прикрытие, со сверхчеловеческой скоростью рванулась к сновидцам. Мелькнула ли золотая вспышка в арке слева от нее, или это ее сознание подшучивало над ней? Шрам на ее руке — едва видимый в Итхре, но в Аннуне все еще выглядящий как рваная рана — защипало при воспоминании о том, как он возник. Если бы то был трейтре, она бы еще подумала. Уна соразмерила свои прыжки, приблизившись к сновидцам. Стервятники уже медленно парили, что говорило об их готовности к нападению. Уна поудобнее перехватила камень, замахнулась...

Tan-tan, tan-tan.

Дерьмо. Он был позади нее. Рот Уны наполнился горечью, но она не промахнулась. Камень ударил одного из стервятников точно в грудь, и с похожим на взрыв фейерверка хлопком тот обратился снова в инспайра. Но Уна не задержалась, чтобы увидеть это, — она уже

мчалась вдоль реки, подальше от грохочущих звуков поступи трейтре. Пронзительные крики дали ей знать, что другие стервятники тоже обратили на нее свое внимание. Их тени вихрем кружили на тротуаре возле нее, становясь все темнее и гуще по мере того, как твари снижались. Один стервятник пикировал, его когти зацепили волосы Уны. Она отшвырнула его и прибавила скорости. Мимо велосипедов, перепрыгивая через сновидцев и движущиеся автомобили — быстрее, быстрее, прочь от золотого трейтре и ночных кошмаров, что сопровождали его.

Позади раздался человеческий крик. Уна оглянулась. Трейтре догонял ее, но Уна, хотя и продолжала бежать, все же заметила бесформенную грудку из одежды и волос на земле за его спиной. Один из сновидцев, лишь несколько секунд назад спасенный ею от стервятников, был разорван в клочья просто потому, что оказался на пути у трейтре. И ручей крови уже стекал от умирающего тела к бурлящей в Темзе жизни.

Ужас Уны вырвался наружу гортанным криком. Она помчалась быстрее прежнего, быстро, как не бегала никогда, хоть в этом мире, хоть в каком-то другом, оставив далеко позади стервятников, но не в состоянии оторваться от неумолимого *тан-тан* когтей трейтре.

Рассвет уже близился; пальцы осени превращали реку в пламя, а линию горизонта в тень. Арктический ветер пронесся вверх по течению, от него лицо Уны онемело. Часть реки с треском покрылась льдом. Здесь создавались сны: конькобежцы в толстых шарфах, полярные медведи и пингвины. Уна ухватила за свой шанс. Соскользнув на лед, она направилась к середине реки. Если трейтре последует за ней, лед наверняка проломится

под его весом. Несмотря на мороз, по реке двигалось парусное судно. С огромным усилием Уна подбежала к кораблю и запрыгнула на палубу. И сновидцы, и сновидения тянулись через борта, глядя на нее со всех сторон, но Уна не обратила на них внимания. Она мгновенно забралась на самую высокую мачту и посмотрела на берег реки. Трейтре стоял там; его голова, гладкая, безликая, кроме двух черных точек-глаз, поворачивалась вслед за ней. Женщина и монстр устали друг на друга. Потом судно повернуло на восток, и трейтре исчез из вида.

Уна не могла позволить себе признать, что только что на ее совесть легла еще одна смерть. Для этого будет время, когда она вернется в Итхр, когда оставит все это позади. Вместо того она упивалась видом города, открывшегося впереди. Чайки, огромные, как вертолеты, носились вокруг нее, пикируя к дельфинам, что играли в кильватерной струе. Вдали внезапно выросли небоскребы Канэри-Уорф, словно цветы, вырвавшиеся из земли, — и тут же рухнули, уступив место старым докам, которые все еще помнил кто-то из сновидцев. Уна никогда не уставала наблюдать за любимым городом, менявшимся на ее глазах, словно мираж. Но это, наверное, последний раз, когда она оценила его не так, как обычный сновидец.

Нормальная жизнь. И больше никакой ответственности за миллионы незнакомцев. Теперь ей нужно было тревожиться только за себя и свою маленькую семью. Ангус, на красивом лице которого уже прорезались морщины. Олли и Ферн, у которых ручки не больше кошачьих лапок. Она оставила их в кроватках, стоящих рядом, они что-то невнятно бормотали друг другу. Иногда

любовь к ним вызывала у Уны желание разорвать себе живот и спрятать их внутри, где им ничто не будет угрожать. Она ведь не сможет вечно защищать их, но у нее было ощущение, что это и не понадобится. По крайней мере, в отношении Ферн. Ей придется подождать пятнадцать лет, и только тогда Уна сможет рассказать ей обо всем. Может быть, Ферн даже присоединится к ней. Какие приключения они могли бы пережить вместе!

Вдали по Аннуну пронесся детский плач. Уна была уверена, что это зовет ее кто-то из ее детей, через границу между снами и реальностью. Она была уже так близко... Башня лондонского Тауэра возникла на берегу, и под ней — Тауэрский мост. Уне только и нужно было, что взобраться на одну из опор моста, когда судно будет проходить мимо, обогнуть Тауэр, — и она доберется до портала, что вел в ее собственную спальню. Ангус наверняка будет еще спать рядом с ней, заложив одну руку за голову, а другую — опустив на ее талию.

На мосту инспайры превратились в стаю волков, разинувших пасти в пародии на улыбку. За ними появилось еще что-то. Высокое, тонкое, острое. Восходящее солнце окружило золотого монстра дымкой. Трейтре снова нашел ее.

Как будто обретя голос от ее ужаса, волки разинули пасти и завыли, и их песня пронеслась по ветру и пронзила Уну.

Иди.

Она теперь не могла забраться на мост. Ей придется пройти через Тауэр. Уна прыгнула в воду, молясь о том, чтобы не привлечь внимания акул или их более крупных приятелей, что прятались на речном дне. За спиной Уны

не раздалось всплеска, вода не дрогнула. Трейтре нашел другой путь.

Уна стремилась к берегу, борясь с подводным течением и волнами на поверхности. Фундамент Тауэра выступил из мрака быстрее, чем она ожидала, и Уна крепко ударилась о камни; боль пронзила ее запястье. Она нащупывала дорогу вдоль основания, пока не почувствовала под руками дерево. Это были Ворота Изменников — древний вход с воды в Тауэр для тех, кого приговорили к смерти. Уне пришлось ждать, пока они откроются. Она считала секунды, стараясь удержать сознание от мучительных сомнений, она ведь не знала, где находится трейтре, и все отчаяннее нуждалась в воздухе.

Потом в воде что-то замерцало: это был предательский голубой свет рождавшегося сна. Покрытый водорослями корпус судна прорезал волны. Ворота со стоном открылись, пропуская лодку. Уна проскользнула в них и с судорожным вздохом вырвалась на поверхность. Она была внутри Тауэра.

Не обращая внимания на рыдание сна в лодке, Уна выбралась из воды на винтовую лестницу. Она попыталась представить, что высохла, но не могла как следует сосредоточиться. Тауэр всегда вызывал у нее озноб — все двенадцать лет, что прошли после ее первого патрулирования здесь, и ей до сих пор невыносимо было слышать крики осужденных. Даже драгоценности, скрытые в недрах Тауэра, казались холодными и проклятыми. Впрочем, сейчас она не могла думать об этом. Она была уже так близко.

Вой волков на мосту искажался каменными стенами и звучал как сирена, как предостережение.

Уна мчалась вверх, перепрыгивая через пять ступенек. Бойницы для лучников окружали башню, как сол-

даты. Картины стремительно менялись от реки до моста и ко двору замка и повторялись. Какая-то женщина в тяжелой парче прошла внизу, шрамы на ее горле блестели, как рубины. Уна бежала вверх, вверх, вверх. Оглянулась еще раз. Лицо женщины было в окне на расстоянии вдоха от нее.

Уна качнулась назад, не попав ногой на ступеньку. Морщась от боли в лодыжке, она восстановила равновесие, хватаясь за подоконник, чтобы двинуться дальше.

«Ферн и Олли, — думала она, вызывая в памяти их лица. — Не теряй самообладания».

Женщина в окне рассыпалась, как одуванчик. Уне хотелось бы уметь делать так же. Страх прижимал ее к земле, как огромный плащ. Ее дети снова заплакали сквозь портал на другой стороне Тауэра.

Один шаг вверх, потом второй, быстрее, быстрее. Уна оглянулась на реку.

Но вместо воды она увидела золотую шкуру. И прежде, чем она успела отреагировать, в окно метнулась лапа. Кожа на лице Уны разошлась, словно расстегнули молнию.

Ужас сделал Уну стремительной и подвижной. Смахнув кровь со лба, она понеслась вперед. Лестница задрожала и загрохотала, сыпались кирпичи и свинцовые переплеты, — трейтре снаружи не отставал от Уны. Она вырвалась на крышу и спрыгнула с ее края. Воздух метнулся у ее ног — Уна знала, что это трейтре пытался схватить ее.

Стало трудно сосредоточиться, Уна изо всех сил старалась не потерять высоту, когда летела над двором. Она должна была заставить свое сознание отвлечься от преследователя, сконцентрироваться на предстоящей задаче.

Ферн и Олли снова позвали ее.

Я уже близко, детки.

Она была слишком испугана, чтобы преодолеть стену Тауэра. И вместо этого ударилась об нее, выставив вперед плечо, чтобы смягчить столкновение. Цепляясь за камни, не обращая внимания на боль в ушибленной руке, она подтянулась на край второй крыши.

Там было пусто. Улица внизу выглядела светлой. За ней уже мелькнул портал, всего в одном хорошем прыжке от Уны. Она взобралась на край зубчатой стены, оценивая расстояние, собираясь с силами.

— Уна?

Голос был мягким, удивленным, знакомым. Голос любимого человека. Но как такое могло быть?

Уна оглянулась и улыбнулась. И в изумлении протянула руку. И тут в одно мгновение осознала страшную правду.

Плач Ферн, прорываясь сквозь открытый портал, звучал в Тауэре еще долго после того, как ее мать исчезла.

1

*Пятнадцать лет, два месяца
и тринадцать дней спустя*

Уна Кэтлин Кинг

1978–2005

«Ни одну женщину не любили сильнее»

Вокруг могилы валялись сигаретные окурки. Это кладбище было любимым местом тусовок здешних подростков, которые не трудились отправляться в центр Лондона, чтобы повеселиться, им и здесь было неплохо. Я отпихнула пивную банку на другую могилу и опустилась на траву, слишком поздно сообразив, что она еще влажная от утренней росы. Отлично. Сырость тут же просочилась сквозь мои школьные брюки, но вокруг были и другие люди, и я не хотела, чтобы они заметили, как я тут же снова поднялась на ноги. Не хотела, чтобы кто-то счел меня странной. Ха-ха. Как будто они не подумают этого, просто посмотрев на меня.

Когда я была младше, я не понимала, почему папе постоянно хочется приводить меня сюда. Я не понима-

ла, что умершая мать представляла собой то, о чем ты должен заботиться, пусть даже ты ее не помнишь.

— Пойдешь со мной, Ферни, да? — грубовато говорил он, надевая ботинки настолько изодранные, что он мог с таким же успехом надеть сандалии. — Твоей маме нравится видеть тебя.

Но могилы пугали меня. Мне противно было думать, что мы бродим над трупами. И я уверена, что это одна из многих причин того, что мы с папой не сходились во взглядах.

Я провела пальцами по резным буквам и задумалась, в миллионный уже раз, какой была моя мать. На фотографиях в ней было что-то от дикарки: темные волосы, широкий рот, светлая кожа. Папа постоянно твердил, какой она была доброй и любящей, а это только злило меня. Я невольно думала о том, что, будь она жива, я стала бы ее любимицей, как был любимцем папы мой брат Олли. Мы могли бы заниматься всем тем, чем положено, вроде покупки одежды и косметики, или ходили бы в кино на романтические комедии и смущались из-за того, что обе таращим глаза на главного героя.

Но потом мне разонравилась такая версия моей матери. И я в любом случае не пользовалась косметикой — я выглядела так странно, что косметика не помогла бы; люди все равно не стали бы думать, глядя на меня: «Эй, а она ничего себе!» — вместо того чтобы гадать: «Что это случилось с ее *лицом*?»

— Чего ты от нее хочешь, Ферн? Она умерла, — как-то раз сказал Олли во время нашего обычного спора.

По правде говоря, я не знаю. Ничего из того, что мне известно о ней, не имеет смысла. Мне рассказывали о маме так много совершенно разных вещей, что она кажется какой-то абстрактной картиной. Веселая, скрыт-

ная, страстная, ледяная... Как может в одном человеке совмещаться все это? А если я не могу разобраться, кем она была, как мне понять, какой могла стать я сама, будь она жива? Так много «а что, если бы», и так мало информации.

Церковный колокол пробил восемь, для меня это сигнал, что можно уходить. Мне придется поспешить, чтобы не опоздать в школу.

— Пока, мам, — шепчу я, в последний раз касаясь мрамора, и закидываю на плечо школьную сумку.

Я натягиваю капюшон на голову, когда замечаю его. Олли крадется вдали, выражение его лица такое же непроницаемое, как всегда. Я вдруг остро ощущаю тишину кладбища. Ничего он мне здесь не сделает, говорю я себе. Даже Олли не может пасть так низко, верно ведь?

Взяв себя в руки, я обхожу могилы, вместо того чтобы выйти на дорожку, по которой идет Олли. Я не слежу за ним, но чувствую, как он приближается к маме. Мы с ним две луны, что вращаются вокруг планеты наших различий. Мутная ненависть заполняет пространство между нами, она давит на мою спину, когда я ухожу.

Увидев нас вот так, вы бы никогда не подумали, что мы близнецы.

Я выхожу на заднюю дорогу, чтобы не проходить мимо Уонстед-Флэтс. Мои мысли возвращаются к Олли. Когда он начал в одиночку ходить на могилу мамы? У моего популярного, красивого брата никогда не было времени на то, чтобы горевать, он никогда прежде не испытывал потребности поверять что-то умершей женщине.

Когда я дохожу до станции и миную турникеты, в моей сумке начинает вибрировать телефон — получено сообщение. Могу поспорить, это папа с одной из его по-

пыткок мотивационных шуток, — но потом снова думаю об Олли и проверяю телефон. Может быть, это какое-то объяснение его поведения или, скорее, язвительное замечание насчет того, что умершая мать — моя единственная подруга.

«Я буду думать о тебе этой ночью».

Это не от Олли и не от папы. Я вскидываю брови, отвечая неведомому адресату: «Ошиблись номером».

Сегодня ночью — Хеллоуин, и, похоже, кто-то задумал нечто особенное. Что ж, удачи им. Мое участие состоит в том, чтобы переодеться в пижаму, как только это будет возможно, и заняться подготовкой к тестам по истории.

В метро я привычно не замечаю любопытных и жалостных взглядов попутчиков и таращусь на первую страницу газеты «Метро» в чьих-то руках. На ней написано: «Рейтинг Себастьяна Мидраута¹ взлетает». Но фотография несправедлива к политику — или, по крайней мере, к его глазам. Я видела его лично, вне школы. У него темно-фиолетовые радужки — что-то между аметистом и сапфиром, — при виде их велосипедист мог бы врезаться в фонарный столб из-за того, что обязательно посмотрел бы во второй раз. Мидраут всегда со смехом отрицал, что это линзы, и я всегда ему верила. Я слишком хорошо знаю, что глаза действительно могут иметь самый разный цвет.

Сейчас же я могу прочитать лишь кусочек статьи.

«В последние годы Мидраут эффектно вернулся, чтобы снова пленить сердца и умы нации...»

В общем, типичная пустая болтовня.

¹ *Мидраут* — валлийская форма имени Мордред. Так звали одного из отрицательных персонажей легенд о короле Артуре.

Человек, в чью газету я заглядывала, ловит мой взгляд и раздраженно шелестит страницами. Я сопротивляюсь желанию сказать ему, что газеты можно (о ужас!) читать не один раз, и достаю из сумки альбом для рисования. Одно и то же лицо, изображенное углем и акварелью, вообще всем, что подворачивается мне под руку, возникает почти на каждом листе, — женщина, лишенная возраста, ее тонкие черты пересечены шрамами, и лицо окружено растрепанными волосами. Я хочу придать цвет ее гриве, но, должно быть, забыла дома оранжевый карандаш. Черт.

Выйдя на Слоун-сквер, я заглядываю в сумку, чтобы достать телефон и проверить время. А там снова сообщение с неизвестного номера.

«Ты никогда не задумывалась о смерти твоей матери, Ферн?»

Я застываю на середине тротуара, и какой-то мужчина, проходя мимо, бросает на меня бешеный взгляд.

«Кто это?» — пишу я.

От потрясения пальцы плохо меня слушаются.

Но никто не отвечает. Ответа нет и к тому времени, когда я дохожу до колледжа Боско, и к тому времени, когда мне приходится убрать телефон в начале двойного урока биологии. Никто не отвечает и ко времени первой перемены, когда мне мешают в туалете Лотти Мидраут и ее гарем, и к тому времени, когда перемена заканчивается и я проскальзываю на задний ряд на урок латинского языка. Но почему я должна задумываться о смерти мамы? Все ведь было просто — она ушла во сне. Синдром внезапной смерти. Редкий, трагический, но такое случается с самыми разными людьми. Тут не о чем было задумываться.

И только в перерыве на ланч, когда я стою в очереди за едой, мой телефон снова начинает вибрировать. Все мое тело обдает жаром, когда я вижу слова на экране.

«Твоя мать знала меня под другим именем, но ты можешь называть меня Верховным магом».

А потом почти сразу: «Мы с ней вместе были рыцарями в Аннуне».

Верховный маг? Аннун? Я словно и не уходила с урока латыни, эти слова не имеют для меня смысла. Но впрочем, у меня уже было время, чтобы привести в порядок мысли, и я знаю, что хочу сказать. И не желаю отвлекаться на незнакомый словарь.

«Что ты имел в виду, говоря о маминой смерти?»

На этот раз ответ приходит почти сразу.

«Уна вовсе не скончалась мирно. Ее убили».

Неведомый Верховный маг как будто дотянулся до меня сквозь телефон, сквозь мои ребра, и сдавил мне сердце, и давит все сильнее, сильнее. Я прижимаю ладонь ко рту, чтобы не выдать слишком сильных эмоций. Впрочем, никто в очереди, похоже, не заметил моей реакции. Половина стоящих в ней тоже таращатся в свои телефоны. Я перевожу взгляд с лица на лицо, гадая, не устроил ли эту злобную выходку кто-то из моих ровесников.

«Откуда ты знаешь?» — пишу я.

И через мгновение решительно запикиваю телефон обратно в сумку. Если этот Верховный маг наблюдает за мной, я не желаю доставлять ему удовольствие, показав, насколько я потрясена. Я смотрю прямо перед собой, локтем прижимая к себе сумку, чтобы ощутить вибрацию, если вдруг придет очередное сообщение. Я беру куриное карри и шоколадное желе и сажусь за обычный

ПОЛНОЧНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

столик, где все знают, что меня лучше не беспокоить. Но те слова — «Ее убили» — гудят у меня в голове, пока не начинают разбиваться так и эдак. *Ее убили. Была ли она убита. Убита ли она была.* Я не могу справиться с собой и кладу телефон рядом с тарелкой. Где-то в зале звонкий смех Лотти Мидраут звучит сквозь общий шум.

Ложка карри уже на полпути к моему рту, когда экран телефона снова вспыхивает. Верховный маг ответил. Я придвигаю к себе телефон — и рис, будто личинки, сыплется мне на колени.

«Знаю, потому что я ее убил».

2

Ланч передо мной остывает, пока я смотрю на сообщение Верховного мага. Это, должно быть, шутка. *Это должно быть шуткой.* Мама умерла, это было несправедливо, но естественно. Она умерла во сне. Папа, проснувшись, обнаружил, что она уже остыла в его объятиях. Как такое возможно — чтобы ее убили?

Мой телефон ударяется о столешницу, и я осознаю, что руки у меня дрожат. Я кладу его и зажимаю ладони между коленями. *Думай, Ферн!*

Я неловко встаю и иду к выходу из столовой, попутно ставя свой по-прежнему полный поднос на тележку. Мне необходим свежий воздух. Снаружи я пытаюсь дозвониться до Верховного мага, но сообщения приходили с неизвестного номера. И мне приходится довольствоваться тем, что я пишу: «Ты врешь. Я заявлю в полицию».

Конечно, я ничего подобного не делаю. Меня буквально разрывает от неуверенности, растерянности и злости. Я думаю, не позвонить ли папе, но это не выглядит разумным. Мы с папой никогда не могли говорить о маме. А уж о том, чтобы сказать обо всем Олли, и речи не идет. А больше у меня никого и нет, на самом деле.

Звяканье столовых приборов и тарелок доносится из столовой. Студенты смеются, сплетничают, обсуждают домашние задания. Учителя кивают мне, проходя мимо.

Знаю, потому что я ее убил.

Я не могу оставаться здесь.

Не обращая внимания на недоуменные вопросы дежурного в холле, я выскакиваю из колледжа на улицу, бегу к Темзе. Там я перевешиваюсь через парапет и жадно вдыхаю речной воздух, у меня колет в бок. Одинокая чайка беспокойно мечется над водой, нервно взмахивая крыльями. Она на миг привлекает мое внимание, и я сочувственно киваю ей.

Ее убили.

Я опять проверяю свой телефон. Верховный маг не отреагировал на мою угрозу. Может быть, я напугала шутников? Может быть, они наигрались и исчезнут, оставив метку странного вопроса в моем уме?

Я открываю в телефоне «поиск» и набираю: «Верховный маг». Но получаю лишь упоминания о герое какой-то древней поэмы и куче персонажей Интернета. Я тогда пытаюсь напечатать «Аннун», проверяя написание по сообщению Верховного мага. На этот раз результат интереснее: «Ах-нун» — это название подземного мира в валлийском фольклоре. Мира, где живут умершие. К моей шее сзади словно прикоснулись пальцы призрака. Но я по-прежнему ничего не понимаю.

Я снова читаю сообщения Верховного мага. *Мы с ней вместе были рыцарями в Аннуне.* Ладно. Я набираю: «Рыцари Аннуна». Интернет выдает мне горстку результатов, и в начале — привязка к какому-то видео. Оно озаглавлено так: «Правда о твоих ночных кошмарах».

Я нажимаю «воспроизвести», не обращая внимания на раздраженные взгляды людей вокруг меня, когда включается звук.

Молодая женщина — темные волосы, темная кожа, острый взгляд — смотрит прямо на меня.

— Ты думаешь, когда ты спишь, тебе ничто не грозит? — спрашивает она. — Ладно, подумай еще раз. Рыцари — не просто...

Видео необъяснимым образом прерывается на середине фразы — в кадре ничего нет, только тикает впустую счетчик времени.

Я обновляю страницу и даже пытаюсь выключить и снова включить телефон, но ничто не помогает открыть остаток видеоролика. Вконец озадаченная, я иду в метро и сажусь в поезд в сторону Стратфорда.

— Перестань таращиться на нее! Ты ведешь себя грубо! — шепчет своему приятелю какая-то женщина в другом конце вагона.

Я ловлю взгляд ее друга. Он ухмыляется. Незнакомец напротив тоже пристально смотрит на меня. Я знаю таких. Он хочет устроить соревнование взглядов. В последнее время это постоянно случается. Я закрываю глаза, чтобы не видеть его.

Поезд мягко раскачивается. Меня преследует мамино лицо — темные волосы падают на прищуренные глаза. Кажется, что она шепчет: «Меня убили, Ферн. Ты разве ничего не хочешь предпринять по этому поводу?»

Неистовая колыбельная подземных туннелей убаюкивает меня, и перед моим мысленным взором возникает улыбка матери. Я погружаюсь в некий ночной кошмар: я в лесу. Там Дженни с одутловатым лицом, а еще Олли. Я почти отчетливо вижу его лицо, когда он вино-

вато ускользает. А потом Дженни встает передо мной. *Ты ведьма, Ферн Кинг, а мы все знаем, как обычно поступают с ведьмами...*

Чиркает спичка. Осенние листья сухо хрустят под ногами, они готовы вспыхнуть. Я кричу, я умоляю, я унижаюсь, но мои путы слишком крепки, а Дженни слишком жаждет ощутить мой страх. Только теперь это не Дженни — это моя мать, мой отец, мой брат, они по очереди пытаются поджечь меня.

Но впрочем, острая, сокровенная боль огня не достигает меня. Не в этот раз. В этот раз пара одетых в металл рук уносит меня в сторону от искр. Я мельком замечаю лицо, веснушчатое под шрамами, обрамленное рыжими волосами, — перед тем как она отталкивает меня. Я падаю как будто с утеса — и резко прихожу в себя. Я все еще в вагоне поезда. Люди все так же таращатся на меня. Но теперь у меня появился еще один вопрос.

Я шарю в сумке, нахожу блокнот для рисования и быстро открываю его. Мой ангел-хранитель.

Мои пальцы касаются встрепанных волос, изображенных на всех страницах. Скользят по рисункам покрытого шрамами, лишённого возраста лица и лат, которые выглядят так, словно некогда принадлежали кому-то намного более крупному. Она преследует меня в снах так долго, как только я могу вспомнить. В моих кошмарах — а мне постоянно снятся кошмары — эта женщина-воин всегда появляется, чтобы спасти меня.

Рыцарь. Вот что сказал Верховный маг, а женщина в Интернете упомянула сон и *рыцарей* перед тем, как видео оборвалось. Могло ли все это быть связано с этой таинственной защитницей в латах?